

церкви... , яко никогда же писано...» (стр. 261). Наконец, трансфигурации равносильны уход Саввы в монастырь (который можно считать обращенным вариантом царского двора, царства жены, куда попадает сказочный герой).⁶¹

Перед тем как подвести итоги и уяснить себе некоторые содержательные результаты трансформации сказки в «Повесть», вернемся к начальным сегментам произведения, к той его части, где рассказывается о злоключениях Саввы в доме Бажена. Если будем анализировать сюжетное строение этой части, то мы распознаем в ней стереотипную подготовительную партию волшебной структуры, начинающуюся с функции нарушения запрета и заканчивающуюся тем, что Пропп называет интенсифицированной формой посредничества, — изгнанием. (Расшифровка остальных сказочных функций, наличествующих здесь, предоставляется читателю.) Тему вредительства обслуживает в подготовительной группе эпизодов жена Бажена Второго.

Если подняться на уровень мотивов, то в соображении юноши женой Бажена, в отказе Саввы и клевете жены можно вскрыть типовой сказочный сюжет, известный по египетской «Повести о двух братьях», индусской — «Семь мудрецов», на отечественной почве — по былинке «О сорока каликах со каликою», а также по множеству других источников вплоть до библейской истории Иосифа Прекрасного.⁶² Мифологические корни сюжета были выявлены в свое время Фрейденберг.⁶³ Однако сейчас важнее всего установить не столько самоочевидную прикрепленность этой связи мотивов к сказочно-мифологическому слою, сколько сосредоточиться на том обстоятельстве, что кознями злой жены обуславливается встреча Саввы с Бесом — отрицательным чудесным помощником, — а следовательно, и все остальные события его жизни.

Всякую линейную цепочку повествовательных мотивов можно представить как ступенчатый ряд напряжений и нейтрализаций, т. е. как такую последовательность, в которой парная оппозиция мотивов снимается введением новой темы, а та, в свою очередь, способна становиться членом еще одного противопоставления, имплицитно содержащего в себе предыдущее, и т. д. Напряжение, которое возникло в «Повести» после изгнания влюбленного героя из дома Бажена, было нейтрализовано в результате появления на художественной площадке произведения фигуры Беса. Бес сделался, в соответствии со сказочным каноном, посредником между человеческим и нечеловеческим мирами (медиатором, по терминологии К. Леви-Стросса).⁶⁴ Но если в сказочной структуре процесс метафорического примирения контрастов, выраженный в общении героя с промежуточным получеловеческим существом, — залог обязательного финального успеха центрального персонажа, то в «Повести», напротив, одного посредника оказывается недостаточно. Противоречие между жизнью и смертью (болезнью) Бес преодолеть не в силах. Этим определяется

⁶¹ Что касается обличения, то эта функция, пожалуй, передована в «Повести» нищему старцу (подчеркивается его святость, связывающая этот персонаж с Божеством); он предупреждает, что дружба с Бесом доведет Савву «до пропасти адской».

⁶² Об этом сказочном сюжете см.: Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958, стр. 128 и след.

⁶³ О. М. Фрейденберг. Миф об Иосифе Прекрасном. — В сб.: Язык и литература, вып. VIII. Л., 1932.

⁶⁴ О применимости понятия медиации к структурному анализу сказки см.: Проблемы структурного описания..., стр. 105—108. Это понятие было выдвинуто Леви-Строссом в фундаментальной, с методологической точки зрения, работе «Структуральное изучение мифа» (см. русский перевод: Клод Леви-Стросс. Структура мифов. — «Вопросы философии», 1970, № 7, стр. 152—164).